

Любое моё собственное унижение, любая моя стужа, любой мой голод по сравнению с простым народом Поднебесной — всего лишь капля в море.

Его душевное состояние становилось всё более невозмутимым, всё более бескрайним, всё более непоколебимым, словно гора.

К вечеру вся одежда была полностью выстирана и развешена просушиться. Небо затянуло тучами, собирался пойти снег.

Лю-ши по-прежнему не разрешала ему есть и холодно бросила:

— Проваливай в дровяной сарай, чтобы сегодня вечером носа не показывал! Завтра чуть свет пойдёшь в горы за дровяником, недосчитаюсь хоть фунта — ноги переломаю!

— Слушаюсь.

Цзян Цзыя поклонился и отступил назад. Войдя в ледяной дровяной сарай, он плотно затворил за собой деревянную дверь, отрезая себя от внешнего шума, брани, холодных взглядов и пересудов.

Поздней ночью дверь сарая тихонько скрипнула, и Цзян Хуань снова украдкой проскользнул внутрь, сжимая в руке маленький кусочек кукурузной лепёшки. Его голос дрожал:

— Племянничек... съешь скорей, только тихо...

Цзян Цзыя поднял взгляд и спокойно посмотрел на своего дядюшку по роду, с первого же взгляда прочтя его сердце: чувство вины, страх, тревога, бессилие, самобичевание, но при этом вечная неспособность пойти против жены, неспособность защитить его в трудную минуту, всю жизнь быть у кого-то в услужении и прожить заурядную жизнь.

Он взял лепешку и тихо произвел:

— Утруждаешь себя, дядюшка, каждую ночь рискуешь.

Цзян Хуань с покрасневшими глазами прошептал:

— Это дядя пред тобой виноват, заставил тебя столько страдать...

Цзян Цзыя безмятежно ответил:

— У дядюшки в последнее время в груди давит и распирает, по ночам часто снятся кошмары.

Меньше пей вина, меньше гневайся, не то к концу весны не миновать тебе сердечного недуга.

Цзян Хуань остолбенел и машинально потрогал себя за грудь:

— Ты... откуда ты знаешь? Я ведь и впрямь в последнее время по ночам сплю беспокойно, на сердце тревожно.

Цзян Цзя равнодушно произнес:

— По лику сужу да знамения вижу, незачем расспрашивать, просто делай как сказано.

Он не хотел говорить лишнего: небесную тайну дозволено приоткрыть лишь чуть-чуть, а скажешь больше — навлечешь беду да напрасно растревожишь чужие мысли.

В сердце Цзян Хуаня шевельнулись испуг и сомнение. Подумав, что мальчишка просто начитался древних книг и постиг какие-то поверхностные основы врачевания, он вздохнул:

— Дядя понял... Племянник, ты ведь от природы одарен острейшим умом, почему же родился в такой семье да в столь смутные времена? Воистину обидно за тебя.

Цзян Цзя безмятежно покачал головой:

— Не о чем тут тужить, всё это — закалка. Возвращайся, дядюшка, а то хватится тетка проснувшись, опять скандал подымет.

— Хорошо, хорошо... — Цзян Хуань с чуть покрасневшими глазами дал еще несколько наставлений и поспешно удался, не смея задерживаться надолго.

Сжимая в руке лепешку, Цзян Цзя больше не притрагивался к еде. Закрыв глаза, он погрузился в дыхательные практики, циркулируя Ци и исцеляя боль во всем теле, а вместе с тем направил духовное восприятие наружу, вновь окинув взглядом потоки ци и жизненные жилы всех жителей деревни.

Деревенский забулдыга Цзян Эр, что на западной окраине, этой ночью снова собрался промышлять воровством. Его Ци металась и бурлила, от него разило воровством, не пройдет и трех дней, как его поймут с поличным и переломают ноги.

Деревенская шаманка на востоке села среди ночи жгла благовония, притворяясь божеством и дурача деревенских ради наживы. От нее несло скверной и нечистотами, удача исчерпалась, приближалась беда — вскоре ее затаскают по судам за языком, и покроет она себя дурной славой.

Среди соседей кто-то втайне замышлял занять зерно и не возвращать, кто-то втайне вынашивал планы пожить за чужой счет, кто-то втайне тревожился о будущем урожае, кто-то втайне страшился нового прихода сборщиков налогов...

Все лики бренного мира, мириады сердец и тысячи помыслов предстали перед его взором так же ясно, как в зеркале.

Он постепенно понял: труднее всего постичь в этом мире человеческое сердце, но легче всего — тоже его.

Стоит лишь постичь его до конца, как исчезают всякие ожидания, всякое разочарование, всякий гнев и всякая боль, остается лишь абсолютное хладнокровие, ясность рассудка, стойкость и сдержанность.

С тех пор мелочность Лю-ши он стал воспринимать лишь как пронесшийся мимо свирепый ветер.

Трусость дядюшки — лишь как бесформенное текучее русло.

Корыстообразие соседей — лишь как облака, что то собираются, то рассеиваются.

Издательства деревенских детишек — лишь как возню слепых муравьев.

Ни волнения в сердце, ни чувств, ни гнева, ни жалости.

Спустя несколько дней в деревне и впрямь стряслась беда.

Старик Ван не послушал предостережений и упрямо пошел кратчайшей дорогой по западному склону. Тропинка заледенела, скользила, он оступился, подвернул ногу, и та распухла так, что стала толще прежнего. Теперь он уже много дней лежал в постели и не мог выйти на торговлю — всё точно так, как и предсказал в тот день Цзян Цзыя.

Односельчане только и говорили об этом, все сходились на том, что тяжелая у старика Вана судьба.

Когда Цзян Цзыя проходил мимо, старик Ван окликнул его и вздохнул:

— Эй, парень, то, что ты говорил в тот день, и вправду сбылось... Ты что, умеешь по лицам гадать?

Цзян Цзыя тихо ответил:

— Просто глядел, где дорога крута да опасна, вышло угадать наугад, нету тут особого мастерства.

Прошло еще несколько дней, и деревенский пьяница Цзян Эр среди ночи попытался украсть курицу, да был пойман хозяином на месте преступления. Его избили так, что переломали ноги, и крики его оглашали всю округу, переполошив всю деревню.

Все сельчане качали головами:

— Знали ведь, что ничему доброму не учиться, так ему и надо.

Цзян Цзыя издалека бросил на него взгляд и мысленно всё понял: от этого человека разило воровской скверной, беда его была predetermined заранее, с ним самим это никак не связано, и слов тратить незачем.

Еще через полмесяца Цзян Лаошуань силой захватил полмоу земли Старика Чэнь, принудив того поставить подпись и отпечаток пальца, ведя себя крайне нагло и заносчиво. Однако той же ночью в его доме вспыхнул пожар, большая часть соломы и зернохранилищ сгорела дотла. Ущерб был огромен: хоть обошлось без жертв и раненых, но пришлось расстаться с богатством, чтобы откупиться от беды, и на какое-то время у него поубавилось прыти притеснять односельчан.

Вся деревня была потрясена. Все говорили, что у Небес есть глаза и злодеи получили по заслугам.

Цзян Цзыя стоял на пороге дровяного сарая и издалека смотрел на зарево пожара. Лицо его было спокойно, ни единой ряби.

Он еще раньше разглядел, что у Цзян Лаошуаня исчерпался запас благодати, его опутали зловещие темные силы, а расплата за утрату имущества была уже близко. Дело было вовсе не в том, что у Небес открылись глаза — просто людские злодеяния подтачивают собственную жизненную жилу, и беды со счастьем люди навлекают на себя сами.

Услышав об этих происшествиях, Лю-ши тревожно засомневалась. Смотря на Цзян Цзыя, она теперь испытывала куда больше опаски: больше не хваталась почем зря за палку, чтобы избить его, в ее бранке поубавилось злобы, а прибавилось скрытой опасливости.

Втайне она говорила Цзян Хуаню:

— Этот твой племянник какой-то ненормальный, вечно сам себе на уме, что ни беда в деревне — всё точь-в-точь как он заранее знал. Уж не исчадие ли он зла?

Цзян Хуань поспешно замахал руками:

— Брось болтать! У Цзян Цзыя чистое сердце, он просто умен и проницателен.

— Чистое сердце? — усмехнулась Лю-ши. — Ты посмотри на его глаза — дна не видать, с утра до ночи слова не вытянешь, кто знает, что у него на уме? Мне от одного взгляда на него жутко!

Каждое слово этих упрёков долетело до слуха Цзян Цзыя.

Он по-прежнему сидел в тишине дровяного сарая, изучая бамбуковые планки, наблюдая за астрологией и предсказывая великие перемены в Поднебесной, а на разговоры во дворе не обращал ни малейшего внимания.

Он давно уже всё понял:

В человеческих сердцах всегда так.

Будешь слаб — каждый станет помыкать тобой.

Будешь тих — каждый станет бояться тебя.

Скроешь острие — каждый станет пытаться разгадать тебя.

Напутствие покойной матери всё еще звучало в его ушах, смута в Поднебесной уже проявила себя, императорская звезда потускнела, зловещие кометы бороздили небосвод, а народное горе стояло туманом. Он больше не мог ждать, да и не было нужды.

Цзян Цзыя медленно открыл глаза. Во взгляде его не было ни капли сожаления, ни тени тоски — лишь чистая, непреклонная твердость. Он поднялся, его движения были легки и бесшумны. Юноша бережно спрятал три немудреные вещицы, что были у него в собственности: наполовину истлевшие бамбуковые свитки древних трактатов он запрятал в складках одежды на груди, Бронзовая Предков Печать легла в ладонь, а пучок высушенного Тысячелетнего Тысячелистника, тщательно перевязанный, отправился в дырявый матерчатый мешок на поясе. Это было всё его богатство, вся его опора, чтобы утвердиться в мире и постигать законы Небесного Дао.

Он не оставил ни единого слова, не попрощался с Цзян Хуанем и тем более не стал прощаться с Лю-ши. Для него эти два года под чужой крышей были лишь испытанием, лишь мимолетным этапом странствия. Не нужно помнить добра, не нужно таить обиду — только освободив сердце от пут, можно пуститься в дальний путь.

Он легко толкнул полусгнившую деревянную дверь сарая. В лицо пахнуло обжигающим холодом, ледяной ветер резал щеки до боли. Цзян Цзыя был бос: подошвы его старой обуви давно стерлись и развалились, носить их было уже нельзя, так что он решил идти босиком по холодной, жесткой земле. Острые камни впивались в ступни, мгновенно покрывая их тонкими

паутинками кровавых царапин, но шаг его был тверд и не дрогнул ни на миг.

Лунный свет стлался под ноги, ледяной ветер был ему спутником. Юноша шел в одиночестве, босой, худой и одинокий, словно одинокая сосна на крутом утесе. Шаг за шагом, твердо и уверенно, навстречу неизвестности, он ступил в бескрайнюю ночную тьму.

Дорога на запад была усеяна цепочками диких холмов, заросших колючим кустарником. В смутные времена на дорогах не было путников, лишь мертвецы от голода валялись в полях, бродячие солдаты жестоких правителей грабили всё вокруг, а в лесах таились волки и тигры — всюду таилась смертельная опасность.

Одежда Цзян Цзыя разорвалась в клочья, босые ноги шагали вперед, а камни, колючки, ледяная крошка и жесткая земля раз за разом терзали и резали подошвы. Кровавые волдыри лопались, кровь смешивалась с грязью, и каждый шаг оставлял бледно-красный кровавый след. Боль пронзала насквозь, но лицо его оставалось прежним, сердце было подобно стоячей воде, он не издавал ни стона, не замедлял шагу — в его мыслях было лишь одно: на запад, на запад и еще раз на запад!

Днем палящее солнце жгло тело, клубилась пыль, пересыхали губы, в животе гулял ветер. Несколько дней оставаясь без еды, он мог лишь жевать горькие травы, корни и древесную кору с обочин, запивая мутной водой из канав. Ночами приходилось ночевать прямо в диком поле, ложась среди камней и сухой травы. Ледяной ветер пронизывал до костей, иней и роса покрывали одежду, промораживая тело насквозь. Тогда он садился, скрестив ноги, погружался в дыхательное упражнение, согреваясь теплом ци Неба и Земли, при свете звезд изучал бамбуковые свитки, высчитывал астрологические знаки и гадал по стеблям тысячелистника на судьбу Поднебесной, ни на мгновение не позволяя себе расслабиться.

На третий день пути он проходил мимо заброшенной горной деревушки. Селение было разрушено, дома покосились, девять из десяти дворов пустовали — осталась лишь пара дряхлых стариков да слабых духом, еле влачивших жалкое существование. Повсюду веяло голодом, холодом и могильным запустением. У входа в деревню несколько стариков, сгорбившись у глинобитной стены, сидели с землисто-серыми лицами и в лохмотьях, глядя на запад и тяжело вздыхая с тоской во взорах.

Цзян Цзыя прошел мимо босиком, шаг его был тверд. Старики подняли глаза, разглядывая его: юный одинокий странник в лохмотьях, с окровавленными босыми ногами, но с таким невозмутимым лицом и обликом, совершенно не похожим на обычных нищих — всё это казалось им крайне странным.

Один седой старик опирался на суковатый посох. Его голос был хриплым и сухим:

— Малец, ты один-одинешенек, куда путь держишь? Дальше на запад горные тропы еще опаснее, там промышляют грабежом солдаты, страшное это дело...

Цзян Цзыя остановился, слегка поклонился, и голос его прозвучал без единой нотки трепета:

— Младший держит путь на запад, учиться мудрости и искать Небесную Волю. Благодарю за предостережение, почтенный отец.

Рядом дрожащим голосом предостерегла его старуха:

— Дитя, вернись назад! В смутное время прожил день — и слава богу, к чему же идти навстречу гибели? В такие-то годы, без еды и одежды, и ста шагов не пройдешь, как умрешь от голода или замерзнешь в поле.

Цзян Цзыя равнодушно покачал головой:

— Пусть впереди тысячи преград и опасностей, я не поверну назад. Куда стремится сердце — там нет раскаяния даже в смерти.

Старик тяжело вздохнул, глядя на его тощую, но прямую фигуру, покачал головой и пробормотал:

— У этого ребенка спокойный взгляд, необыкновенная стать, он не чета простым смертным. Только вот путь его тернист, а одинокое странствие в смутные времена — это слишком тяжело...

Другой старик рядом промолвил дрожащим голосом:

— В нынешние времена о выживании ли думать, а уж до учебы ли тут... Горькая судьба, эх.

Цзян Цзыя не стал больше говорить, отвесил поклон и продолжил свой путь на запад. Босые ноги зашагали по каменистой тропинке, и его фигура быстро скрылась в тумане горных лесов. Вздохи и предостережения стариков развеял ветер, не оставив ни малейшей ряби в его сердце.

Он бросил взгляд и сразу понял: жизненные силы этой деревушки иссякли, а народ страдает до предела из-за непосильных поборов жестоких правителей. Старики всю жизнь провели в родных местах, робкие, смирившиеся со своей участью, жаждущие лишь кое-как протянуть день — всё, что они сказали, было продиктовано лишь добрыми побуждениями, но оставалось обывательским взглядом, принимать который близко к сердцу не стоило.

На пятый день небо заволокло тучами, закапал холодный дождь. Вода промочила насквозь лохмотья, пронизывая до костей, раны на ступнях размокли от дождевой воды, отзываясь острой болью, в животе горел огонь голода, в глазах темно рябило, а шаги стали совсем шаткими. Дойдя до берега мелкой речушки, он увидел, что вода бурлит и несет смертный холод, мостов нет — перебраться можно было только вброд.

Цзян Цзыя ни секунды не колеблясь ступил босыми ногами в воду. Ледяной поток сразу же скрыл колени, пробив тело крупной дрожью, зубы застучали, а раны от соприкосновения с

водой защипало так, будто их резали ножом. Сстиснув зубы, он шаг за шагом уверенно продвигался вперед, спина его неизменно оставалась прямой, он не сгибался и не отступал.

Речная вода омывала кровавые следы на стопах, окрашивая небольшое пятно воды в красный цвет. Лицо его по-прежнему было спокойно, ни печали, ни муки — в сердце жил лишь один-единственный мотив: переправиться, идти на запад, искать Путь, ждать своего часа, усмирить Поднебесную и покончить с жестокими тиранами.

С трудом одолев широкую реку, он выбрался на берег насквозь промокшим. Холодный дождь резал словно лезвие. Отыскав для защиты от ветра какую-то горную пещеру, он опустился на колени, скрестил ноги и погрузился в дыхательную медитацию, разгоняя холодок и врачуя боль. Вскоре дыхание выровнялось. Достав бамбуковые свитки, он при тусклом свете у входа в пещеру продолжил чтение, словно весь этот голод, стужа и раны вовсе его не касались.

Посреди ночи из-за пределов пещеры донесся безумный лай диких собак. Четвероноги чудом уловили запах живого человека, обступили вход, оскалив зубы и издавая утробное рычание, с кровожадными огоньками в глазах — казалось, они готовы в любую секунду ворваться внутрь и растерзать его. Цзян Цзыя поднял глаза, равнодушно взглянув наружу: одного мига хватило, чтобы увидеть, что хоть собаки и свирепы, но трусливы — не более чем шавки, что смеют задирать только слабых.

Он медленно поднялся, поднял с земли острый камень и, вложив в кончики пальцев силу, легко бросил его. Камень точно угодил в нос передовой вожачке стаи. Та взвизгнула от боли и трусливо попятилась. Остальные псы, видя такое дело, перепугались и уже не смели нападать дальше. Полаяв немного у входа, они поджали хвосты и с визгом бросились врассыпную в темноту горного леса.

Цзян Цзыя отвел взгляд, снова уселся, скрестив ноги, и продолжил постижение законов войны и Небесного Дао, не дрогнув ни единой мыслью — нападение диких собак было для него не более чем докучливым жужжанием насекомых, не стоившим и внимания.

В полдень шестого дня он добрался до горного торгового местечка по имени деревня Луаньши — здесь останавливались на отдых проезжие путники и мелкие торговцы. Хоть поселение было бедным и тесным, в нем все же теплилась какая-никакая жизнь. На базаре переплетались крики зазывал, торги, вздохи и плач, смешивались самые разные люди, и мириады человеческих лиц предстали пред глазами Цзян Цзыя.

Он шел босой, оборванный, весь в грязи и шрамах, бледный и изнуренный голодом, но с непоколебимым взглядом и спокойной осанкой, резко выделяясь на фоне местных нищих и беженцев. Его проход привлекал всеобщие взгляды: презрение, брезгливость, сочувствие, подозрения — самые разные чувства читались на лицах прохожих.

Торговец лепешками на обочине, дюжий детина с грубыми чертами лица, сжавившись над жалобным видом юноши и отметив его необычайную статью, махнул рукой:

— Эй, малой, иди сюда! На-ка пол-лепешки, кишку заморить.

Цзян Цзыя неторопливо подошел и отвесил поклон:

— Благодарю благодетеля.

Мужчина протянул ему половину холодной лепешки и грубовато спросил:

— Ты чьих будешь? Один пустился скитаться по свету, смерти не боишься?

Цзян Цзыя принял лепешку и принялся медленно, небольшими кусочками пережевывать ее, ответив безмятежно:

— Ни кола ни двора, иду на запад искать Путь. Жизнь и смерть во власти сердца, мне не страшно.

Мужчина хмыкнул с удивлением:

— Такой сопливый пацан, а речи держишь громкие! Поднебесная ввергнута в хаос, солдаты лютуют, сколько здоровых мужиков сгинуло в пути, а ты — полуребенок, что ты сможешь сделать?

Цзян Цзыя тихо ответил:

— Скрыть сердце, скрыть острие, дожидаться небесного часа, следовать Небесной Воле, спасти простой народ и утвердить порядок.

Торговец решил, что мальчишка просто несет бред от юношеского безумия, и, смеясь, замахал рукой:

— Ладно-ладно, ешь давай, а как доешь — убирайся отсюда поскорее. На этом базаре полно головорезов, которые только и рады обижать таких одиноких детей, как ты.

Цзян Цзыя кивнул:

— Благодарю за предупреждение. На твоём лбу, благодетель, проступили зловещие знаки: из-за спора с кем-то быть пролитой крови. Запомни: сдерживай себя три дня, и сможешь избежать беды.

Мужчина остолбенел, хлопнул себя по бедру и рассмеялся:

— Я всего лишь продаю лепешки, с кем мне спорить? Малец, ты часом не с голодухи рехнулся?

Цзян Цзыя не стал продолжать разговор, молча доел лепешку, отвесил легкий поклон и зашагал вглубь базара. Босые ноги ступали по грязи, следы крови на стопах не иссыкали, но шаг оставался неизменно твердым.

Добравшись до середины рынка, он закономерно повстречал шайку местных мерзавцев и хулиганов, промышлявших сговором с правительственными солдатами и притеснением простого люда. Завидев одинокого оборванного паренька, они решили, что перед ними легкая добыча, и тут же окружили его. Главарь — прыщавый подросток — упер руки в бока и самодовольно усмехнулся:

— Эй, нищий заморыш, ты откуда такой взялся? Как посмел сунуться на нашу территорию? Выворачивай всё ценное, что при тебе есть, не то ноги переломает!

Его прихвостни подзадорили:

— Глянь, худой как скелет! Общайте его, наверняка у него есть пара монет!

Цзян Цзыя остановился, поднял глаза и холодно окинул их взглядом. Одного беглого взгляда хватило, чтобы насквозь прочесть их натуру: наглые, жестокие, алчные, трусливые перед сильными, ничтожные духом, от макушки до пят пропитанные смертным духом. Не пройдет и полугода, как каждый из них умрет насильственной смертью на улице за свои злодеяния.

Лицо его осталось бесстрастным, ни капли страха, а голос прозвучал холодно:

— При мне нет ни гроша, лишь нестигаемая воля. Убирайтесь, не то сами накличете беду.

Прыщавый подросток взбеленился, замахнулся, намереваясь ударить Цзян Цзыя по лицу:

— Ах ты паршивец, еще смеешь дерзить! Прибью ублюдка!

Цзян Цзыя легко качнулся в сторону, без лишних движений уходя от удара. Движение было быстрым, как ветерок, и ладонь прыщавого рассекла воздух впустую. Тот потерял равновесие и чуть не шлепнулся на землю, отчего разъярился еще пуще, приказав поделщикам:

— Бейте его! Бейте насмерть!

Вся ватага бросилась вперед разом, обрушивая на Цзян Цзыя градом кулаки и пинки. Цзян Цзыя не уклонялся, но двигался с поразительной гибкостью, используя чужую инерцию против нападавших. Хотя это были лишь самые простые приемы закалки тела и дыхания, против этих непутевых хулиганов их хватало с избытком. Удары сыпались на него, но он искусно

перенаправлял их силу в сторону, а забияки то и дело падали друг на друга, сбив носы и разбив лица, оглашая улицу воплями боли.

Прошло всего несколько мгновений, как вся шайка уже валялась на земле с перепуганными лицами. Теперь они глядели на Цзян Цзыя уже не с заносчивым высокомерием, а со страхом и трепетом, не смея сделать и шагу навстречу.

Прыщавый парень, зажимая опухшую щеку, проклинал его сквозь слезы:

— Ты... ты что за чудовище? Мы тебе этого не простим!

Другой зануда с трагическим лицом взвыл:

— Бежим скорее, этот парень проклят!

С этими словами вся компания кубарем покатилась прочь, поспешно улепетывая и скрываясь за углом базарной площади.

Окружавшие толпу зеваки зашумели, пораженные тем, как какой-то оборванный мальчишка с легкостью обратил в бегство местных бандитов.

— С виду такой тщедушный паренек, а какая силища!

— Взгляд у него жуткий, смотрит не мигая, словно каменный, совсем не как ребенок!

— А ведь он только что говорил, что у торговца лепешками дяди Чжана будет кровь! Неужто этот пацан умеет гадать по лицам?

Старый гадатель, сидевший на своем коврикe неподалеку, поглаживал бороду и тихо вздыхал, глядя вслед Цзян Цзыя:

— У этого ребенка необыкновенный костяк, а сердце безмятежно, как омут. В будущем он добьется великих дел. Только вот тяжела его доля в смутное время, жаль парня.

Цзян Цзыя оставался равнодушен к зевакам и пересудам, сердце его было подобно стоячей воде. Развернувшись, он продолжил путь на запад, прошел через рынок и углубился в более крутые горные тропы Западных Гор, не останавливаясь ни на миг.

К середине дня на горных тропах его доконал предельный голод. Несколько дней он не ел досыта, к тому же сказывались последствия непогоды, недавней драки и кровоточащие ступни. В глазах резко потемнело, ноги подкосились, и он рухнул прямо в придорожную траву,

лишившись чувств от изнеможения.

Неизвестно, сколько времени прошло, но снова заморосил мелкий дождь. Ледяные капли застучали по щекам, и Цзян Цзыя медленно пришел в себя. Всё тело занемело от холода, конечности отяжелели и ослабли. От жуткого голода у него не было сил даже поднять руку. Лежа во влажной траве, с испачканными в грязи босыми ногами, с гноящимися и воспаленными ранами, испытывая невыносимую боль во всем теле, он по-прежнему не чувствовал ни жалости к себе, ни желания отступить.

Медленно упершись руками в землю, он по сантиметру приподнял свое тело, стиснул зубы и через силу встал. Его спина по-прежнему была прямой, как сосна. Стерев со лба смесь дождевой воды и грязи, сжав в ладони Бронзову Предков Печать, он снова шагнул вперед — тяжело, но твердо продолжая свой путь на запад.

В животе разрывали кишки приступы боли. Он шептал едва слышно, но с несокрушимой твердостью:

— Матушка, сынок не может упасть... Пока Поднебесная не успокоена, пока Путь не найден, сынок не смеет упасть.

Это был первый раз, когда он упал в обморок от голода, но далеко не последний.

В последующие дни он терял сознание от голода еще дважды и дважды замерзал до бесчувствия. Но каждый раз, приходя в себя, он стискивал зубы, поднимался и шел на запад, не дрогнув ни на долю секунды.

На ступнях один за другим лопались кровавые волдыри, раны затягивались коркой и вновь кровоточили, плоть срасталась с грязью, и каждый шаг отзывался болью в самом костном мозге. Одежда истлела в лохмотья и почти не защищала от холода; пронизывающие ветра и иней истощали силы, болезнь подтачивала тело, вызывая непрекращающийся кашель. Но он по-прежнему стойчески переносил все страдания: днем шел вперед, ночью изучал бамбуковые свитки, наблюдал за звездами, высчитывал знамения и гадал по стеблям тысячелистника на судьбу Небес, ни на миг не позволяя себе нерадения.

Проходя мимо одной горной деревушки, чьи жители промышляли охотой — нрава простого, но доведенного до нищеты и изнемогающего от поборов сборщиков налогов, — он был замечен охотниками у дороги. Видя, что юноша при смерти, они сжалились над ним, принесли в свою скромную хижину, напоили миской горячего овощного отвара и дали пару лепешек из грубой муки.

Мужчина-охотник сурово спросил:

— Малец, куда ты держишь путь? Зачем так истязает себя, стоит ли оно того?

Выпив горячего бульона, Цзян Цзыя чуть перевел дух, и голос его вновь обрел прежнее спокойствие:

— На запад, постигать Великий Путь, искать мудрого государя, усмирить смуту и спасти страждущих в Поднебесной.

Жена охотника, утирая слёзы, принялась отговаривать его:

— Дитя, мир так велик, а свирепые правители так жестоки! Мы, простые люди, себя-то защитить не можем, какое уж тут спасение Поднебесной? Оставайся у нас, будешь ходить на охоту, как-нибудь да проживешь.

Цзян Цзыя тихо покачал головой:

— Пока Поднебесная не знала мира, все люди страдают. Если я стану жить впустую, мне не будет покоя. Я должен идти на запад до самой смерти, и не отступлю.

Охотник коснулся рукояти охотничьего ножа на поясе и помрачнел:

— В сотне ли к западу стоят заставы правительственных солдат — они хватают мужчин на тяжелые работы, грабят зерно, беспощадны и жестоки. Ты ребенок, тебе не пройти.

Цзян Цзыя поднял глаза на Западные Горы и равнодушно произнес:

— Войска на пути не смогут остановить мое стремление идти вперед, у меня найдется способ обойти их.

Охотник в сердцах воскликнул:

— Да те вояки гребут всех подряд! Ты мал и некому тебя защитить, поймают — верная смерть!

Цзян Цзыя спокойно ответил:

— Жизнь и смерть предопределены, а дорога подо мной. Пусть хоть горы ножей и моря огня — я не отступлю ни на полшага.

<http://bllate.org/book/19338/1890987>